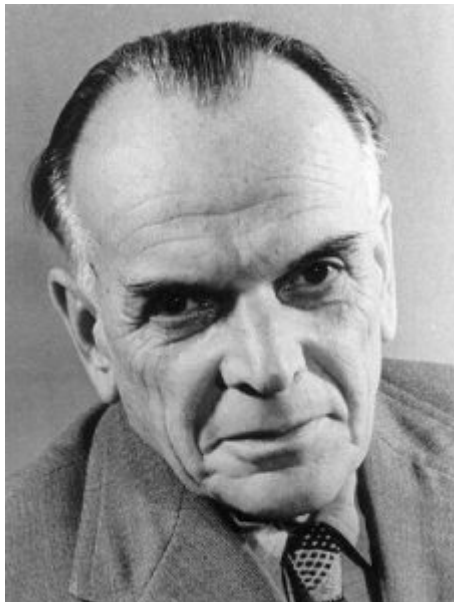

Книга о жизни. Начало неведомого века. Зона тишины

14.07.2024

Ноевский сад с давних времен славился цветоводством. Постепенно оно беднело, глохло, и к началу революции в саду осталась одна небольшая оранжерея. Но в ней все же работали какие-то пожилые женщины и старый садовник. Они скоро привыкли ко мне и даже начали разговаривать со мной о своих делах.

Садовник жаловался, что сейчас цветы нужны только для похорон и торжественных заседаний. Каждый раз, когда он заговаривал об этом, одна из женщин — худая, с бледными светлыми глазами — как бы смущалась за него и говорила мне, что очень скоро они наверняка будут выращивать цветы для городских скверов и для продажи всем гражданам.

— Что бы вы ни говорили,- убеждала меня женщина, хотя я и не возражал ей,- а без цветов человеку обойтись невозможно. Вот, скажем, были, есть и будут влюбленные. А как лучше выразить свою любовь, как не цветами? Наша профессия никогда не умрет.

Ю.Ю. Клевер. Натюрморт с гвоздиками. 1920-е годы.

Иногда садовник срезал мне несколько левкоев или махровых гвоздик. Я стеснялся везти их через голодную и озабоченную Москву и потому всегда заворачивал в бумагу очень тщательно и так хитро, чтобы нельзя было догадаться, что в пакете у меня цветы.

Однажды в трамвае пакет надорвался. Я не заметил этого, пока пожилая женщина в белой косынке не спросила меня:

— И где это вы сейчас достали такую прелесть?

— Осторожнее их держите,- предупредила кондукторша,- а то затолкают вас и все цветы помнут. Знаете, какой у нас народ.

— Кто это затолкает? — вызывающе спросил матрос с патронташем на поясе и тотчас же ошетинился на точильщика, пробиравшегося сквозь толпу пассажиров со своим точильным станком.- Куда лезешь? Видишь — цветы. Растяпа!

— Гляди, какой чувствительный! — огрызнулся точильщик, но, видимо, только для того, чтобы соблюсти достоинство.- А еще флотский!

— Ты на флотских не бросайся! А то недолго и глаза тебе протереть!

— Господи, из-за цветов и то лаются! — вздохнула молодая женщина с грудным ребенком.- Мой муж, уж на что — серьезный, солидный, а принес мне в родильный дом черемуху, когда я родила вот этого, первенького.

Кто-то судорожно дышал у меня за спиной, и я услышал шепот такой тихий, что не сразу сообразил, откуда он идет. Я оглянулся. Позади меня стояла бледная девочка лет десяти

в выцветшем розовом платье и умоляюще смотрела на меня серыми, как оловянные плоски, глазами.

— Дяденька,- сказала она сипло и таинственно,- дайте цветочек! Ну, пожалуйста, дайте.

Я дал ей махровую гвоздику. Под завистливый и возмущенный говор пассажиров девочка начала отчаянно продираться к задней площадке, выскочила на ходу из вагона и исчезла.

— Совсем ошалела! — сказала кондукторша.- Дура ненормальная! Так каждый бы попросил цветок, если бы совесть ему позволяла.

Я вынул из букета и подал кондукторше вторую гвоздику. Пожилая кондукторша покраснела до слез и опустила на цветок сияющие глаза.

Тотчас несколько рук молча потянулись ко мне. Я роздал весь букет и вдруг увидел в обшарпанном вагоне трамвая столько блеска в глазах, приветливых улыбок, столько восхищения, сколько не встречал, кажется, никогда ни до этого случая, ни после. Как будто в грязный этот вагон ворвалось ослепительное солнце и принесло молодость всем этим утомленным и озабоченным людям. Мне желали счастья, здоровья, самой красивой невесты и еще невесть чего.

Пожилой костлявый человек в поношенной черной куртке низко наклонил стриженую голову, открыл парусиновый портфель, бережно спрятал в него цветок, и мне показалось, что на засаленный портфель упала слеза.

Я не мог этого выдержать и выскочил на ходу из трамвая. Я шел и все думал — какие, должно быть, горькие или счастливые воспоминания вызвал этот цветок у костлявого человека и как долго он скрывал в душе боль своей старости и своего молодого сердца, если не мог сдержаться и заплакал при всех.

У каждого хранится на душе, как тонкий запах лип из Ноевского сада, память о проблеске счастья, заваленном потом житейским мусором.

Константин Паустовский